

служить для язычниковъ признакомъ и доказательствомъ общенія прорицателей съ богами. Нельзя не назвать этого признака характернымъ для самыхъ языческихъ религій. Истинная религія, приводя челоуѣка въ общеніе съ Богомъ, просвѣщаетъ его разумъ и возвышаетъ духъ. Предсказанія языческихъ прорицателей всегда ограничиваются тѣснымъ кругомъ ближайшихъ обстоятельствъ, неопредѣленны, и двусмысленны, отвѣчаютъ на запросы въ угоду частныхъ лицъ, городовъ и обществъ; когда Аѳиняне раздѣлялись на партіи по вопросу: подчиняться-ли имъ Македонскому царю Филиппу, и обратились за рѣшеніемъ къ Дельфійскому оракулу и получили отвѣтъ: подчиниться,—то Демосѳенъ замѣтилъ, что оракуль *φιλίππιζε*—принадлежитъ къ партіи Филиппа. „Отъ языческихъ прорицателей, говоритъ раціоналистъ Авбертъ Ревиль, не произошло никакого добра для челоуѣчества“. Ничего подобнаго не было у пророковъ; они глубоко задумывались надъ судьбами своего народа, надъ судьбами другихъ народовъ и всего челоуѣчества, скорбѣли духомъ, видя бѣдствія, поражавшія евреевъ за отступленія отъ Бога и беззаконія, обращались къ Богу съ пламенною молитвою за народъ, и получали откровенія свыше. Вотъ источникъ ихъ высокаго одушевленія и вдохновенныхъ предсказаній будущаго! Вѣтхозавѣтные пророки предсказывали объ отдаленныхъ будущихъ событіяхъ, касающихся судьбы не одного народа еврейскаго, но всѣхъ народовъ міра,—были не лицепріятными обличителями беззаконій еврейскаго и другихъ народовъ, за что терпѣли гоненіе и мученичество; напр., Илія, Исаія, Іеремія и др. (Евр. 11, 36 и др.) указывали для всѣхъ лучшее будущее въ исполненіи обѣтованій Божіихъ, въ вѣрности закону Божію. Главнѣйшимъ предметомъ ихъ пророчествъ было изображеніе обѣтованнаго Богомъ Искушителя міра и Его царства. Если они иногда предсказывали ближайшее будущее, касающееся частныхъ лицъ и обстоятельствъ, то всегда по связи ихъ и

способомъ приготовленное, круженіе и пляска въ очерченномъ кругѣ.— Въ Бирмѣ колдуны долго и пристально смотрятъ на полированную оску. Въ древнемъ Египтѣ прорицатели смотрѣли на бѣлую тарелку съ блестящимъ пятномъ. Яковъ Бемъ, извѣстный теософъ мистикъ XVI вѣка, приходилъ въ экстазъ, долго глядя на блестящій оловянный сосудъ. Сюда же должна быть отнесена магія вавилонскихъ астрологовъ: необычайный блескъ южнаго звѣзднаго неба приводилъ ихъ въ экстазъ.

съ главнымъ предметомъ ихъ пророчествъ, для утвержденія вѣры въ обѣтованнаго Искупителя.

Существенная особенность какъ ветхозавѣтныхъ, такъ и новозавѣтныхъ пророчествъ заключается въ самомъ характерѣ сверхъестественнаго откровенія Божія, которое совершалось исторически, въ послѣдовательности времени, раскрывая и осуществляя планъ премудрости Божіей, устрояющей судьбу человѣка. Ничего подобнаго нѣтъ въ религіяхъ языческихъ, которыя не заключали въ себѣ никакихъ указаній на будущія новыя откровенія божества, никакихъ обѣтованій въ будущемъ. У китайцевъ, напр. главные божества, небо и земля тѣ же самыя въ будущемъ, какъ и въ настоящемъ. У индійцевъ— какъ все возникло изъ Брами, такъ и опять все погрузится въ Бразу, — произойдетъ всемірная катастрофа, послѣ которой снова возникаетъ и затѣмъ снова уничтожается міръ, и т. д. У персовъ существовала неопредѣленная мысль о побѣдѣ Ормузда надъ Ариманомъ; у грековъ— о разрушеніи желѣзнаго царства Зевса и прекращеніи его власти; у скандинавовъ— о гибели всѣхъ боговъ, но эта темная мысль оставалась безъ всякаго вліянія на развитіе народовъ и на ходъ ихъ исторіи. Отсюда объясняется ничтожное значеніе языческихъ прорицальщъ и всемірное значеніе пророчествъ въ исторіи человѣчества.

Фактическое доказательство сверхъестественнаго происхожденія ветхозавѣтныхъ пророчествъ представляетъ буквальное исполненіе ихъ. Судьба древнихъ царствъ, судьба самаго еврейскаго народа подтверждаетъ ихъ съ поразительною точностью и ясностью; развалины городовъ, пустынности нѣкогда населенныхъ и цвѣтущихъ мѣстъ невольно напоминаютъ путешественникамъ бывшія объ этомъ пророчества. Такимъ фактическимъ доказательствомъ въ особенности служитъ вся земная жизнь Иисуса Христа, предсказанная и предъизображенная въ Ветхомъ Завѣтѣ. Евангелисты, повѣствуя о тѣхъ или другихъ событіяхъ Его жизни, замѣчаютъ: „сіе же все бысть, да сбудется реченное пророками“. Раціоналисты встаютъ противъ мессіанскаго значенія пророчествъ, или отношенія ихъ къ лицу Иисуса Христа, стараясь доказывать, что мессіанскія пророчества относятся не къ Его лицу, не къ Его дѣламъ и событіямъ Его жизни, а къ другимъ лицамъ и событіямъ. Такъ, напр.,

пророчество Иакова при благословеніи Іуды: „не отойдетъ скипетръ отъ Іуды и законодатель отъ чреслъ его, доколѣ не придетъ Примиритель и Ему покорность народовъ“. (Быт. 49, 10), —раціоналисты, вмѣстѣ съ нынѣшними іудеями, относятъ не къ лицу Мессіи и къ одному потомству или колѣну Іуды, а ко всѣмъ евреямъ; но племя Израилево давно перестало быть народомъ предъ Богомъ, по пророчеству Іереміи, и перестало навсегда (Іер. 31, 36). Скипетръ отъ колѣна Іуды давно отнять по предреченію Іакова, именно тогда, когда исполнилось время пришествія Мессіи. Соломону такъ-же нельзя, вопреки объясненію раціоналистовъ, приписать тѣхъ свойствъ, которыя (въ Пс. 71) относятся къ Мессіи, что имя Его будетъ вѣчно, что въ немъ благословятся всѣ племена земныя (стих. 17). Такимъ же образомъ раціоналисты объясняютъ и другія пророчества. Кромѣ пророчествъ въ Ветхомъ Завѣтѣ есть прообразы, которые отличаются отъ пророчествъ только тѣмъ, что выражаются не въ рѣчахъ пророковъ, а въ лицахъ и событіяхъ. Таковы прообразы Іисуса Христа: Мельхиседекъ священникъ и царь Салима; Исаакъ, приносимый въ жертву Авраамомъ, пророкъ Іона и многія другія лица; къ прообразамъ относится и весь обрядовый законъ Моисея, который называетъ Апостоль тѣнью и образомъ будущаго (Евр. 8, 5). Отношеніе ихъ къ Іисусу Христу не простое приспособленіе (*assommodatio*), а символическое, прикровенное указаніе на Него, какъ имѣющаго придти Искупителя. Идея Мессіи была основною національною идеею еврейскаго народа, которая проникала всю его жизнь и его исторію, выражалась и предъизображалась въ историческихъ лицахъ и событіяхъ этого народа, пока, наконецъ, не была осуществлена въ лицѣ Искупителя—Мессіи, пришедшаго въ міръ.

Четвертый признакъ сверхъестественнаго откровенія Божія—чудеса, или такія событія и явленія, которыя хотя происходятъ въ нашемъ конечномъ мірѣ, такъ же видимы и осязаемы, какъ и явленія этого міра, но не могутъ быть объяснены изъ условій дѣйствующихъ въ немъ силъ и законовъ; они суть непосредственныя дѣйствія сверхъестественной силы Божіей, открывающейся въ мірѣ, факты сверхъестественнаго откровенія. Чудеса стоятъ въ самой тѣсной связи съ сверхъестественнымъ откровеніемъ Божиимъ

и служить вмѣстѣ съ другими его выраженіями, къ осуществленію вѣчныхъ опредѣленій Божіихъ о судьбахъ человѣчества. Поэтому чудеса отнюдь не могутъ быть разсматриваемы, какъ внѣшніе признаки и доказательства сверхъестественнаго откровенія. Когда фарисеи и саддукеи просили Иисуса Христа показать имъ знаменіе съ неба ¹⁾ (Мат. 16, 1), Онъ отказалъ имъ потому, что они просили чудеснаго знаменія, какъ внѣшняго доказательства присутствующей ему Божеской силы, тогда какъ не хотѣли разумѣть многочисленныхъ знаменій времени—исполненія обѣтованій Божіихъ и пророчествъ о пришествіи Мессіи.

Нѣкоторыя чудеса отличаются отъ естественныхъ событій и явленій только по способу ихъ совершенія и ощути-тельно выражаютъ непосредственное дѣйствіе Всемогущей, Премудрой и Всеблагой Силы Божіей. Сверхъестественная сила Божія открывается въ такомъ сочетаніи внѣшнихъ условій и обстоятельствъ, которое превышаетъ силы и знаніе человѣка и необъяснимо изъ естественнаго хода вещей. Въ этомъ сочетаніи выражается Всемогущая сила Божія. Отъ сочетаній внѣшнихъ условій и обстоятельствъ происходитъ событіе, явно указывающее мысль и волю Верховнаго Міроправителя, Бога. Таковы явленія неожиданной ни откуда, повидимому, невозможной помощи человѣку, устраненіе неодолимыхъ препятствій, избавленіе отъ смертной опасности, неотвратимой и неизбѣжной при естественномъ ходѣ вещей. Такихъ событій отнюдь нельзя назвать счастливыми случаями, потому что въ нихъ явно и ощутительно выражается преднамѣренность и всеблагая мысль и воля Божія. Чудеса въ собственномъ смыслѣ (*miracula* въ отличіе отъ *signa*)—такія событія и явленія въ мірѣ, которыя происходятъ не влѣдствіе необычайнаго сочетанія внѣшнихъ обстоятельствъ и естественныхъ условій, но совершаются безъ всякаго отношенія къ нимъ, какъ непосредственныя дѣйствія сверхъестественной, безусловной силы Божіей въ нашемъ мірѣ. Таково, напр., чудо утишенія бури однимъ словомъ: „умолкни, перестань“!—„Кто сей убо естъ“? говорили свидѣтели этого событія (апостолы), „яко и вѣтеръ и море послушаютъ Его“

¹⁾ Въ смыслѣ необычайнаго, вразумительнаго, видимаго явленія; такими явленіями должно было, по мнѣнію суетвѣрныхъ іудеевъ, сопровождаться пришествіе Мессіи.

(Марк. гл. 4, ст. 39); таковы же многія исцѣленія отъ тяжкихъ, неизлѣчимыхъ болѣзней, производимыя или однимъ словомъ Иисуса Христа, или при употребленіи такихъ внѣшнихъ средствъ, которыя сами по себѣ не могутъ исцѣлять отъ болѣзни,—дать зрѣніе слѣпорожденному. Но есть еще такія чудеса, которыя совершаются не только безъ всякаго отношенія къ внѣшнимъ условіямъ и обстоятельствамъ жизни, но и представляютъ собою явленія и событія совершенно новыя, небывалыя въ нашемъ мірѣ и чуждыя ему, по своему существу отличныя отъ всего, что есть въ конечномъ мірѣ. Таковы — чудеса воскрешенія Спасителемъ дѣйствительно умершихъ людей, а въ особенности чудо собственнаго Его воскрешенія изъ мертвыхъ, которое вноситъ въ міръ новое начало жизни и устрояетъ въ немъ новый порядокъ.

Это общее попятіе о чудесахъ раскрывается и выясняется изъ разбора теорій и воззрѣній, ограничивающихся только сферою конечнаго міра, или довольствующихся однимъ естественнымъ откровеніемъ. Таковы воззрѣнія матеріалистовъ, деистовъ и пантеистовъ, которые по требованію своихъ принциповъ, отрицаютъ возможность чудесъ— стараются объяснить ихъ изъ естественныхъ условій, дѣйствующихъ въ этомъ мірѣ, или изъ естественной связи причинъ и дѣйствій, и, наконецъ, отрицаютъ ихъ значеніе и необходимость въ религіи.

Возможность чудесъ основывается на тѣхъ же началахъ, какъ и возможность сверхъестественнаго Откровенія. Признавая Бога безусловно совершеннымъ Личнымъ Существомъ, нельзя полагать предѣловъ для Его вседѣйствующей силы и отрицать возможность Его непосредственнаго дѣйствія въ мірѣ. Отрицаютъ возможность чудесъ матеріалисты потому, что отрицаютъ и Бытіе Божіе; деисты — потому, что отрицаютъ всякое отношеніе между Богомъ и міромъ,—наконецъ, пантеисты—потому, что не признаютъ Бога Существомъ Личнымъ. Всѣ они вмѣстѣ противъ возможности чудесъ выставляютъ твердость законообразнаго порядка этого міра, по которой невозможно, по мнѣнію ихъ, допустить какія-либо событія и явленія въ этомъ мірѣ, необъяснимыя изъ этого порядка, а чудеса были-бы нарушеніемъ законовъ этого порядка; потому они немислимы и невозможны, какъ нѣчто противоестественное. Порядокъ міра, безъ сомнѣнія, твердъ и законосообразенъ;

но онъ не есть безусловный; твердость его обуславливается такимъ или другимъ сочетаніемъ существующихъ въ немъ силъ и стихій. Законы природы, конечно, неизмѣнны, какъ въ цѣломъ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; но они дѣйствуютъ при опредѣляющихъ ихъ условіяхъ, которыя получаютъ самыя разнообразныя сочетанія, производимыя какъ самою природою, такъ и искусствомъ и силою человѣка. На возможности различнымъ образомъ сочетать данныя условія основывается культура, власть и господство человѣка надъ внѣшнею природою, и никто никогда не высказывалъ опасенія за твердость міроваго порядка при самомъ широкомъ развитіи власти человѣка надъ внѣшнею природою. Скажутъ - ли, что сила человѣческая, его разумъ и воля принадлежатъ къ силамъ этого міра? Но дѣло въ томъ, что условія, при которыхъ дѣйствуютъ силы внѣшней природы и устанавливаются въ ней тотъ или другой порядокъ, могутъ быть измѣняемы. О нарушеніи законовъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи; измѣненіе условій, при которыхъ они дѣйствуютъ, отнюдь не есть измѣненіе самыхъ законовъ природы, какъ не правильно опредѣляютъ рационалисты; оно оставляетъ естественные законы также неприкосновенными, какъ и искусство человѣка, когда особеннымъ образомъ сочетаваетъ естественныя условія, при которыхъ дѣйствуютъ законы. Въ чудесахъ дѣйствуетъ безусловная сила Божія, которая не подчиняется условіямъ міроваго порядка, но и не нарушаетъ его. Чудеса не только не нарушаютъ нормальнаго порядка міра, напротивъ, — возстановляютъ его, указывая истинное, нормальное отношеніе его силъ, извращенное и нарушенное ненормальнымъ состояніемъ его условій; такъ, чудесныя исцѣленія, воскрешеніе умершихъ показываютъ, что не матерія должна господствовать надъ духомъ, но духъ надъ матеріею, — не смерть надъ жизнью, а жизнь надъ смертію. Деисты, кромѣ того отрицаютъ возможность чудесъ, опираясь на понятіе о Богѣ, какъ Существомъ всесовершенномъ, премудромъ. Міръ, какъ произведеніе премудраго Творца-Бога, не нуждается ни въ какихъ чрезвычайныхъ поддержкахъ и поправкахъ, каковы чудеса; чудо по возрѣнію деистовъ, противорѣчитъ понятію о Богѣ, какъ Существомъ премудромъ и всесовершенномъ. Но а) если деисты, при-

знавая Бога Существомъ безусловно-совершеннымъ, ограничиваютъ его дѣятельность однимъ актомъ творенія и отрицаютъ затѣмъ всякое отношеніе Его къ міру,—то поставляютъ для Бога предѣлы внутренніе и внѣшніе,—внутренніе, представляя Божество истощившимъ свою безконечную силу въ одномъ актѣ творенія,—внѣшніе въ самомъ бытіи міра, на который, по ученію деистовъ, не простирается вседѣйствующая сила Божія. б) Чудеса совершались не съ цѣлью поддержать внѣшній порядокъ міра, его силы и законы, нпр., силу тяготѣнія, законы движенія и проч., но для возстановленія и утвержденія нравственнаго порядка въ мірѣ человѣческомъ и религіознаго союза съ Богомъ, разрушеннаго грѣхопадєніемъ человѣка. Каждое чудо, въ частности, стоитъ въ самой существенной связи съ непосредственнымъ откровеніемъ любви Божіей къ человѣку, всемогущества и премудрости ¹⁾.

Отрицая возможность чудесъ, по требованію своихъ принциповъ, раціоналисты стараются объяснить чудеса изъ силъ и законовъ конечнаго міра, или изъ естественной связи причинъ и дѣйствій.

Но при нѣкоторыхъ чудесахъ не было употреблено никакихъ внѣшнихъ средствъ, которыя могли бы въ какомъ бы то ни было отношеніи дать поводъ къ такому объясненію; таковы: чудесное утишеніе бури словомъ, многія исцѣленія, чудо заочнаго исцѣленія больного слуги одного сотника (Лук. 7, 2—10) а также сына одного паредворца (Іоан. 5, 49—53). Здѣсь, очевидно, нельзя указать никакой внѣшней естественной причины для объясненія чуда. При совершеніи многихъ чудесъ были употребляемы и внѣшнія средства, напр., при исцѣленіи слѣпорожденнаго

¹⁾ Въ деистическомъ смыслѣ возражаютъ противъ возможности чудесъ,—что чудеса вмѣсто закона вносятъ случайность и произволь, что величіе Божіе познается изъ неизмѣняемости поставленныхъ Богомъ законовъ природы, а не изъ случайныхъ явленій, каковы чудеса и что, наконецъ, возстановлять порядокъ, нарушенный человѣкомъ, чрезъ безпорядокъ, нарушающій законы природы—странное противорѣчіе понятію о Богѣ. Въ основѣ этихъ возраженій стоитъ неправильное понятіе о чудесахъ, какъ нарушеніяхъ законовъ природы, какъ явленіяхъ отрывочныхъ, исключительныхъ. Величіе Божіе познается изъ естественнаго откровенія, но еще болѣе изъ откровенія сверхъестественнаго, по которому мы непосредственно убѣждаемся въ величіи Его любви, премудрости и всемогущества.

(Иоан. гл. 9.), при чудесномъ претвореніи воды въ вино на бракѣ въ Канѣ Галилейской, при насыщеніи 5000 неловѣкъ пятью хлѣбами и др. Но всѣ эти средства, сами по себѣ, таковы, что изъ нихъ никакъ нельзя объяснить чудесныхъ событій. Нееманъ, Сирійскій полководецъ, сначала не повѣрилъ возможности исцѣленія отъ проказы, которою былъ боленъ, чрезъ омовеніе въ водахъ Иордана, по слову пророка Елисея; онъ хорошо зналъ, что вода не можетъ исцѣлить его: „развѣ рѣки Дамасскія не лучше всѣхъ водъ израильскихъ“, говорилъ онъ: „я развѣ не могъ бы омыться въ нихъ и очиститься“. Изъ внѣшнихъ средствъ ничего нельзя объяснить въ чудесномъ событіи. Тѣмъ не менѣе рационалисты настаиваютъ на этомъ способѣ объясненія чудесъ. Такъ, по мнѣнію Ренана, чудо до тѣхъ поръ остается чудомъ, пока не найдены его естественныя причины; чудо до тѣхъ поръ остается чудомъ, пока не найдены его естественныя причины; чудо есть только *mirabile*, но не *miraculum*. Чтобы убѣдиться въ достовѣрности чудеснаго событія, по его мнѣнію, необходимо составить ученую комиссію изъ фізіологовъ, медиковъ, физиковъ, химиковъ и другихъ естествоиспытателей, которая доказала бы, что чудо, дѣйствительно, нельзя объяснить изъ причинъ естественныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ требовала бы, чтобы чудо совершаемо было во всякомъ мѣстѣ и во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ, словомъ, когда его потребуетъ комиссія. Собственно, противъ предосторожности въ признаніи чудесныхъ дѣйствій за дѣйствительно чудесныя, мы ничего не можемъ сказать; и теперь для удостовѣренія въ чудесномъ исцѣленіи неизлѣчимо-больныхъ дѣлается тщательное разслѣдованіе. Но при совершеніи нѣкоторыхъ чудесъ не было употреблено никакихъ внѣшнихъ средствъ; при совершеніи другихъ употреблялись такія внѣшнія средства, которыхъ свойства давно извѣстны, по крайней мѣрѣ на столько, что изъ нихъ нельзя объяснить чудесныхъ событій. Наконецъ, задача проектируемой Ренаномъ комиссіи заключается въ самой своей постановкѣ предрѣшеніе вопроса о чудесахъ. Чудеса — дѣйствія всеобщей силы Божіей, а задача, поставленная Ренаномъ, такова, что годится только для производства физическихъ, химическихъ и другихъ опытовъ, надъ силами механическими, неразумными и несвободными.

Если бы чудеса возможно было объяснить изъ причинъ естественныхъ, то они самомъ дѣлѣ были бы результатомъ съ одной стороны знанія, а съ другой суевѣрія и легковѣрія; во всякомъ случаѣ были бы простыми естественными явленіями, ложно выдаваемыми и суевѣрно принимаемыми за непосредственныя явленія Божественной силы. Такъ и объясняютъ чудеса деисты. Деизмъ, выходя изъ своего принципа, отрицающаго отношеніе Бога къ міру, не въ состояніи дать никакого положительнаго руководства для объясненія чудесъ; ихъ объясненія не представляютъ собою никакого общаго воззрѣнія, одной цѣлостной теоріи, которая бы выводила частныя объясненія изъ одного основанія. Если деисты все сверхъестественное въ религіи признають дѣломъ обмана, то въ примѣненіи къ чудесамъ Иисуса Христа Ейхгорнъ (род. 1752) и Реймаръ († 1768) старались ослабить это объясненіе. Почитая Иисуса Христа великимъ учителемъ нравственности, они утверждали, что Онъ не обращалъ вниманія на то, какъ понимали Его дѣла. Но когда Іоаннъ Креститель прислалъ къ Иисусу Христу своихъ учениковъ съ вопросомъ: „Ты ли тотъ, Который долженъ прійти (Мессія), или намъ ожидать другаго?“—Иисусъ Христосъ отвѣчалъ указаніемъ на свои чудеса (Матѣ. 4, 3—5),—назвалъ грѣхомъ противъ Духа Святаго, который есть Духъ истины, объясненіе Его чудесъ фарисеями изъ силы князя бѣсовскаго (Матѣ. 12, 24 и слѣд.). Деисты сами не держатся и этого своего объясненія, когда говорятъ, будто Иисусъ Христосъ творилъ чудеса неохотно, выражая свое негодованіе на просившихъ чуда, иногда отказывалъ имъ. Мы сказали уже прежде, по какой причинѣ Онъ отказывалъ. Въ другихъ случаяхъ отступаютъ и отъ этого объясненія. Иисусъ Христосъ творилъ чудеса среди близкихъ къ Нему и простодушныхъ людей, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ центровъ тогдашней образованности. По онъ творилъ чудеса и въ синагогахъ въ Іерусалимѣ, предъ глазами надзиравшихъ за нимъ враговъ. Наконецъ деисты какъ бы стараются оправдать чудеса Иисуса Христа и апостоловъ необходимою приспособляемостью къ суевѣрной наклонности восточныхъ народовъ къ сверхъестественному и чудесному, въ виду великой цѣли - нравственнаго исправленія людей. Но сами фарисеи говорили Ему, что Онъ

истинно учить пути Божію и не заботится объ угожденіи кому-либо; ибо не смотритъ ни на какое лицо (Мате. 22, 10), притомъ безиравственное, іезуитское правило: цѣль оправдываетъ средства недостойно великаго Учителя нравственности. Если же чудеса не были, по ученію деистовъ, дѣйствіями сверхъестественной силы Божіей, а были только явленіями естественными, дѣлами обыкновенными, случаями простыми и ежедневными, которые принимались за чудеса людьми суевѣрными и легковѣрными, — то что же происходило на самомъ дѣлѣ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ деисты вѣдаютъ въ произвольныя догадки и предположенія, не представляя никакихъ данныхъ для подтвержденія ихъ. Такъ, слава Господня, осіявшая вилеємскихъ пастуховъ въ ночь рожденія Іисуса Христа, по объясненію Паулюса († 1847), была не болѣе, какъ свѣтъ метеора, или же фонаря; дьяволъ, искушавшій Іисуса Христа въ пустынь — фарисей, склонявшій Его на сторону своей партіи; насыщеніе пятью хлѣбами 5000 человекъ Паулюсъ объясняетъ просьбою Іисуса Христа къ богатымъ людямъ подѣлиться съ бѣдными своими запасами и проч. Безсмысленность такихъ объясненій, дѣлаемыхъ безъ всякихъ основаній, исключительно по требованію деистическаго принципа, возмущала Штрауса, который самъ отвергалъ чудеса. Штраусъ, справедливо въ этомъ случаѣ, замѣтилъ, что критика не имѣетъ права дѣлать предположенія, противорѣчащія существу разбираемыхъ сочиненій, а чудеса, и по его мнѣнію, основная тема евангельскихъ повѣствованій. Въ томъ же деистическомъ смыслѣ Паулюсъ и Ренанъ объясняютъ нѣкоторыя чудесныя исцѣленія личнаго необычайно сильнаго вліянія Спасителя на недужныхъ; Его обхожденіе съ ними, полное любви и неизъяснимаго очарованія, какъ выражается Ренанъ, успокаивало и возбуждало ихъ духъ, даже исцѣляло отъ болѣзней. Такъ, Паулюсъ объяснялъ исцѣленіе разслабленнаго, 38 лѣтъ лежавшаго при овчей купели въ Іерусалимѣ, и немедленно вставшаго, когда онъ услышалъ голосъ, повелѣвшій ему встать. Но у того разслабленнаго была, дѣйствительно, тяжкая болѣзнь, не психическая (ипохондрія), а физическая. Подобнымъ же образомъ Ренанъ объясняетъ воскрешеніе Лазаря; „Іисуса“ говоритъ онъ: „въ семействѣ Лазаря боготворили“. *Кажется*, Лазарь былъ

боленъ, и, *можетъ быть*, отчаяваясь въ благопріятномъ исходѣ своей болѣзни, велѣлъ обвязать себя убрсами и похоронить, какъ мертвеца, въ склепѣ или пещерѣ. Услышавъ взволнованный до экстаза голосъ своего друга, Лазарь вышелъ изъ пещеры“. Объясненіе Ренана не требуетъ разбора, оно говоритъ само за себя, когда признасть вѣроятнымъ, что бы больной велѣлъ самъ за-живо отнести себя въ могилу, когда основывается только на „кажется“ и „можетъ быть“.

Пантеисты относятъ евангельскія повѣствованія о чудесахъ къ области мифовъ; теисты—къ области поэтическихъ сказаній и легендъ. Теорія мифическая развита Штраусомъ, а теорія легендъ—Шенкелемъ. Въ мифахъ подъ формою повѣствованія изображаются явленія внѣшней природы, или внутренняго міра человѣка. Такова мифологія языческихъ народовъ. А легенды имѣютъ въ своемъ основаніи дѣйствительные историческіе факты, изукрашенные потомъ фантазією. Легенды имѣютъ мѣсто въ апокрифахъ, средневѣковыхъ біографіяхъ и народныхъ разсказахъ. Штраусъ въ своемъ сочиненіи: „Жизнь Иисуса“ (1835, 1854) развилъ теорію мифовъ подъ вліяніемъ пантеистической философіи Гегеля. Вѣру еврейскаго народа въ имѣющаго придти Мессію и надежды, соединяемая съ Его пришествіемъ, именно, что Онъ научитъ всѣхъ истинному богопознанію, искупитъ отъ грѣха, избавитъ отъ бѣдствій, словомъ: устроитъ совершенный Заветъ, или союзъ Бога съ человѣкомъ,—Штраусъ понялъ въ пантеистическомъ смыслѣ полного раскрытія божественной идеи въ человѣческомъ сознаніи. Повѣствованія о чудесахъ—не болѣе какъ мифическое, образное выраженіе идеи полного и совершеннаго единенія Бога съ человѣкомъ. Эта идея достигла своего полного развитія и выраженія въ сознаніи Иисуса Христа. Евангелія, по его мнѣнію, написаны спустя 40 и болѣе лѣтъ послѣ Иисуса Христа, когда уже успѣли составиться мифическіе разсказы о Его жизни. Мифическая теорія Штрауса, во-первыхъ, не объясняетъ, какимъ образомъ могли увѣрвать въ Иисуса Христа Его ученики, когда на самомъ дѣлѣ не было ничего того, о чемъ говорится въ Евангеліяхъ, когда все это мифы позднѣйшаго происхожденія. Во-вторыхъ, нельзя не признать страннымъ, что такое высокое развитіе человѣческаго самосознанія, на которое указываетъ эта теорія,

ни чѣмъ другимъ не обнаруживается, кромѣ фантастическихъ разсказовъ. Въ-третьихъ, совершенно непонятно, какимъ образомъ мифъ, не заключающій въ себѣ никакихъ историческихъ основъ, могъ послужить основаніемъ для исторіи христіанства. Въ основаніи христіанства существуютъ дѣйствительные историческіе факты. Это, повидимому, утверждаетъ теорія легендарная, развитая Шенкелемъ, который держится пантеистическаго воззрѣнія.

Теисты не отрицаютъ возможности чудесъ; но признаютъ чудесность только въ дѣйствиі сверхъестественной силы Божіей, возрождающей и укрѣпляющей человѣка въ духовной жизни. Въ этомъ смыслѣ сверхъестественно и чудесно все, что имѣетъ характеръ истиннаго христіанства, какъ непосредственное дѣйствіе благодатной силы Божіей. Что же касается самыхъ фактовъ, о которыхъ повѣствуютъ Евангелисты, то теисты видятъ въ нихъ только свидѣтельства впечатлѣнія, производимаго на современниковъ Иисусомъ Христомъ. Такъ, Шенкель объясняетъ чудо претворенія воды въ вино изъ впечатлѣнія, произведеннаго возвышенностью бесѣды Иисуса Христа на присутствовавшихъ, въ сравненіи съ разговорами, бывшими до Его пришествія на бракъ въ Канѣ Галилейской. Чудо есть только *mirabile*, но не *miraculum*. Такимъ же образомъ изъ впечатлѣнія онъ объясняетъ и чудесное насыщеніе 5000 человѣкъ пятью хлѣбами; слушавшіе ученіе Иисуса Христа забыли о пищѣ. Впечатлѣніе, которое производилъ Иисусъ Христосъ на современниковъ, и составляетъ фактическую сторону въ повѣствованіи о чудесахъ; все прочее—дѣло фантазіи. Но обыкновенно въ легендахъ историческая основа событія, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, остается неизмѣнною; объясненіе Шенкеля устраняетъ самую основу событія, останавливаясь на одномъ впечатлѣніи, но не указывая его причины. Почти всѣ великія, историческія лица и событія имѣютъ свой легендарный циклъ, особенно основатели религій. Жизнь Будды, Магомета изукрашены легендами объ ихъ чудесахъ; но ихъ чудеса противорѣчатъ существу ихъ религій, воплѣщаются исчерпывающе объясненіемъ изъ причинъ и обстоятельствъ, не заключающихъ въ себѣ ничего сверхъестественнаго. Напротивъ, въ христіанствѣ ничего нельзя понять безъ сверхъестественнаго элемента; таковы всѣ основные догматы его, — Воплощеніе

Сына Божія, воскресеніе Его и др. Безъ этихъ чудесныхъ фактовъ христіанство немислимо.

Наконецъ, раціоналисты отрицають значеніе чудесныхъ событій въ области религіи; по ихъ мнѣнію, чудеса не только не нужны для религіи, но и отвращаютъ отъ нея людей научно-образованныхъ. Такъ а) богословы — раціоналисты ссылаются на слова Иисуса Христа Апостолу Ѳомѣ: „блажени не видѣвшіе и вѣровавшіе“ (Іоан. 20, 29); на слова Апост. Павла: „Іудеи требуютъ чудесъ“ (І Корин. 1, 22), но въ этихъ словахъ ничего не говорится противъ значенія чудесъ. Слова Спасителя указываютъ на превосходство вѣры предъ видѣніемъ въ дѣлѣ религіознаго убѣжденія, а слова Апостола указываютъ на неправильное пониманіе чудесъ іудеями, въ смыслѣ фарисеевъ, просившихъ Иисуса Христа показать имъ знаменіе съ неба. Чудеса не нужны для вѣры, говоритъ Шлейермахеръ, потому что они уже предполагають въ человѣкѣ вѣру; Иисусъ Христосъ не совершилъ въ Назаретѣ чудесъ по невѣрію жителей этого города (Матѣ. 13, 58; Марк. 6, 5—6); Онъ творилъ чудеса и исцѣлялъ больныхъ, видя вѣру ихъ. Но чудеса, какъ непосредственныя дѣйствія силы Божіей, и производятъ вѣру и укрѣпляютъ ее; такъ, одни изъ видѣвшихъ чудо воскресенія Лазаря, увѣровали въ Иисуса Христа, другіе — не только не увѣровали, но и поспѣшили сообщить о великомъ чудѣ врагамъ Иисуса Христа, а ученики Его и сестры Лазаря еще болѣе укрѣпились въ вѣрѣ въ Него (Іоан. 11, 15, 27, 40). Отрицая значеніе чудесъ, раціоналисты хотѣли бы обратить христіанство въ одну изъ философскихъ системъ, но въ такомъ случаѣ, оно не было бы религіей, которая, какъ дѣйствительный союзъ между Богомъ и человѣкомъ, немислима и невозможна безъ сверхъестественнаго откровенія Божія. Сказать: зачѣмъ въ христіанствѣ чудеса? — значитъ сказать: зачѣмъ христіанство есть богооткровенная религія? Она такова потому, что иною быть не можетъ истинная религія ¹⁾.

¹⁾ Говорятъ, будто-бы въ настоящее время чудесъ нѣтъ; а слѣдовательно не было ихъ и въ прежнія времена. Нельзя отрицать, что въ настоящее время совершаются напр., чудесныя исцѣленія неизлѣчимо-больныхъ, равно какъ и другія знаменія всемогущей Силы Божіей. Что касается прежнихъ временъ, то въ Ветхомъ Заветѣ обилувалъ чудесами періодъ отъ исхода Израилья тѣмъ изъ Египта до водворенія ихъ въ Палестинѣ; въ Новомъ Заветѣ—

О способахъ сообщенія Божественнаго откровенія людямъ или о Божественномъ вдохновеніи.

Способы, чрезъ которые Богъ сообщаетъ людямъ сверхъестественное откровеніе, разнообразны (Евр. 1, 1); они состояли въ богоявленіяхъ, бывшихъ Аврааму и другимъ праотцамъ; въ явленіи ангеловъ и въ сверхъестественныхъ, чудесныхъ событіяхъ, которыхъ свидѣтелями и очевидцами были избранные Богомъ люди; но главнымъ образомъ способъ откровенія состоялъ во внутреннемъ непосредственномъ дѣйствіи Духа Божія на духъ человѣка, или въ боговдохновеніи. Такое дѣйствіе Духа Божія испытывали на себѣ праотцы, которымъ были богоявленія и явленія Ангеловъ, а также пророки и апостолы, которые только чрезъ божественное вдохновеніе уразумѣвали смыслъ совершавшихся дѣлъ Божіихъ,—предсказывали будущее и возвѣщали то, что имъ было открываемо Духомъ-Божіимъ. Такъ, апостоль Петръ говоритъ: „пророчество не было произносимо по волѣ человеческой, но изрекали его святые Божіи человѣки, будучи движимы (*φερομένοι*) Духомъ Святымъ“ (2 Петр. 1, 21); тоже говорилъ апостоль Павелъ и о себѣ: „Мы возвѣщаемъ не отъ человеческой мудрости изученными словами, но изученными отъ Духа Святаго“ (1. Кор. 2, 13); потому избранные Богомъ люди, которымъ сообщалось откровеніе, назы-

періодъ отъ Рождества Христова до утвержденія апостольской проповѣди въ мірѣ. Оба эти періода имѣютъ особенно важное значеніе въ исторіи божественнаго откровенія и религіозной жизни евреевъ и христіанъ; непосредственнымъ откровеніемъ силы Божіей устрояется новый порядокъ въ мірѣ ветхозавѣтномъ и новозавѣтномъ. Времена Всевышняго имѣютъ начала открывающіяся чудесами и силами; и окончанія, являемая дѣйствіями и знаменіями (3 Езд. 9, 6); въ притчи о добромъ сѣмени и плевелахъ (Матѣ. 13, 24) видно, что сверхъестественная сила Божія открывається въ видимыхъ дѣйствіяхъ въ началѣ и концѣ времени,—сѣяніемъ и жатвою. Когда сверхъестественный порядокъ, непосредственно устрояемый Богомъ въ человѣчествѣ, утверждается въ его жизни, онъ по своему существу и характеру не перестаетъ быть сверхъестественнымъ, но чудеса получаютъ не столько внѣшній, сколько внутренній характеръ. Богъ ведетъ человѣка отъ видимаго къ невидимому (блаж. Августинъ). Величайшее чудо, говоритъ Оригенъ, когда духовно слѣпые, глухіе, хромые, получаютъ исцѣленіе, когда мертвые духомъ оживаютъ къ духовной жизни.

ваются боговдохновенными. Такое же дѣйствіе Духа Божія на человѣка было необходимо для уразумѣнія истиннаго смысла совершавшихся предъ нимъ сверхъестественныхъ событій: ибо не всѣ тѣ, которые были ихъ свидѣтелями, понимали ихъ значеніе. Что откровеніе, бывшее пророкамъ и апостоламъ, есть плодъ непосредственнаго дѣйствія Духа Божія, а не есть результатъ человѣческаго измышленія, — это видно изъ состоянія боговдохновенныхъ людей.

а) Состояніе боговдохновенія нельзя смѣшивать съ экстазомъ, или необычайно возбужденнымъ, но безсознательнымъ состояніемъ изступленія, какъ понимали это состояніе язычники (*μανία*—у Платона). Къ этому пониманію подходитъ близко, такъ наз., механическая теорія боговдохновеннаго состоянія, принимаемая римско-католиками и протестантами прежнихъ временъ. Механическая теорія признаетъ боговдохновенныхъ мужей пассивными, механическими орудіями въ рукахъ Божіихъ, устраняя всякое личное или сознательное участіе боговдохновенныхъ мужей въ принятіи откровенія. Эта теорія, повидимому, незыблемо утверждаетъ безусловный авторитетъ богооткровеннаго ученія. Но боговдохновенныхъ людей никакъ нельзя назвать пассивными орудіями Духа Божія, во-первыхъ, потому, что священные писатели сохраняютъ особенности личныхъ дарованій и собственно человѣческаго образованія, которое они имѣли, — во вторыхъ, во многихъ мѣстахъ Св. писанія описывается ихъ боговдохновенное состояніе, какъ состояніе вполне сознательное; находясь въ этомъ состояніи, они подробно излагаютъ, что они слышали отъ Бога, что видѣли, иногда высказывали Богу свои недоумѣнія, получали разрѣшенія ихъ, и сами изслѣдовали, на которое и на какое время указывалъ Духъ Святый (1 Петр. 1, 10—11). Въ-третьихъ, въ орудіе своего откровенія Богъ избираетъ угодныхъ Ему св. людей (2 Петр. 1, 21), — слѣдовательно, способныхъ быть вѣстниками Его откровенія. Напрасно въ подтвержденіе этой теоріи ссылаются на нѣкоторыхъ христіанскихъ учителей первыхъ вѣковъ, которые сравнивали боговдохновенныхъ людей съ музыкальными орудіями, цитрами, флейтами и пр. (Св. Иустинъ мученикъ, Аѳинагоръ, Оригенъ, Григорій Великій); они говорятъ только о томъ, что св. писатели были орудіями Духа Божія; въ такомъ же общемъ смыслѣ говорить о себѣ

св. Давидъ: „языкъ мой — трость скорописца“ (Псал. 44, 2).

б) Въ другую совершенно противоположную крайность впадаютъ новѣйшіе раціоналисты (Кюененъ и др.); они смѣшиваютъ боговдохновенное состояніе съ простымъ вдохновеніемъ, или одушевленіемъ, свойственнымъ поэтамъ и другимъ даровитымъ людямъ, и писанія боговдохновенныхъ мужей приравниваютъ къ литературнымъ произведеніямъ вообще. Конечно, и въ литературномъ отношеніи свящ. книги представляютъ неподражаемые образцы самой возвышенной религіозной поэзіи, какъ книга псалмовъ, — одушевленнаго, огненнаго краснорѣчія, какъ книга пророка Исаи, — высоту духовнаго созерцанія (Іоаннъ Богословъ) и глубокаго размышленія (Ап. Павелъ) и свидѣлствуютъ о необычайной естественной даровитости свящ. писателей. Но ихъ вдохновеніе есть боговдохновеніе; въ этомъ убѣждаетъ, во 1-хъ то, что они возвѣщаютъ истины, недоступныя человѣческому разуму, но необходимыя для истиннаго богопознанія, — изрекаютъ пророчества, совершаютъ чудеса, — во 2-хъ то, что они часто принимаютъ рѣшенія, необъяснимыя изъ предшествующаго ихъ состоянія и образа мыслей, вообще изъ круга тѣхъ средствъ, которыя доступны для человѣка. Такъ невозможно объяснить безъ чрезвычайнаго дѣйствія Духа Божія рѣшимость Моисея извести евреевъ изъ Египта, когда извѣстно, что онъ отказывался исполнить данное ему повелѣніе Божіе объ этомъ, — рѣшимость Іереми начать и продолжать свое пророческое служеніе (Іер. 20, 7—18), — обращеніе Ап. Павла, бывшаго прежде гонителемъ христіанъ. Всѣ такія перемѣны въ состояніи боговдохновенныхъ людей объяснимы единственно только изъ непосредственнаго дѣйствія на нихъ Духа Божія.

в) Но дѣйствія Духа Божія, также непосредственныя, испытываются и всѣми истинно вѣрующими и благочестивыми христіанами, которые водятся Духомъ Божиимъ (Рим. 8, 14); въ этомъ смыслѣ они называются облагодатствованными, богопросвѣщенными; въ особенности такое наименованіе усвоится св. отцамъ и учителямъ церкви; но они никогда не называются боговдохновенными. Боговдохновенными называются только пророки и апостолы. Боговдохновеніе отличается отъ богопросвѣщенія особеннымъ, чрезвычайнымъ состояніемъ духа боговдохновенныхъ мужей,